

Сейчас Наруто чувствовал себя так спокойно, как никогда в жизни. Ему казалось, что он спит, завернувшись в свежие, чистые белые облака, в самой уютной постели на свете. Он попытался немного пошевелиться, всего лишь рукой, чтобы потереть глаза, готовый начать свой день.

И тут его настигла боль.

Она началась как тупая боль, мышцы протестовали, когда он пытался пошевелиться, но когда он попытался продвинуться чуть дальше, не обращая внимания на их жалобы, боль переросла в пульсирующую боль, пронизывающую все тело. Он попытался сосредоточиться на тех частях тела, которые не чувствовали себя так, словно их били дубинками. Попытавшись открыть глаза, он почувствовал зловещее ощущение знакомости, тошнотворное дежавю и блестящий отбеленный белый потолок.

Фантастика. Больница. Его самое нелюбимое место во всем мире. Но почему он оказался в больнице?

Мышцы снова запульсировали в голове. Ощущение было такое, будто он проиграл бой с отбойным молотком. Бой. Миссия. Конечно! Миссия, каменные статуи...

- Шикамару! - Наруто резко сел, его мышцы горели, но воспоминания вторглись в его сознание, и последнее из них было о том, как Шикамару вот-вот будет сражен одной из каменных армий, с которыми они столкнулись.

- Все в порядке. - Слова были произнесены лениво, и это было все, что требовалось Наруто, чтобы успокоиться по поводу благополучия друга. - И, каким-то чудом, ты тоже в порядке.

- Что случилось? Я ничего не помню после того, как тебя прижало к той статуе.

- Ты случился, Наруто. - Шикамару тяжело вздохнул, увидев растерянное выражение лица Наруто, и начал объяснять Наруто, что произошло, с некоторым интересом отмечая дискомфорт Наруто при упоминании "красной чакры", которую блондин использовал во время боя. И Какаши, и Югао отмахнулись от его вопроса, что только усилило любопытство Нара. Оказалось, что Наруто - настоящая паутина тайн и вопросов без ответов. Как только ты получал ответ на один вопрос, тут же находились еще два, готовые заманить тебя в ловушку. - Как только мы добрались до Суны, нас троих, которые сражались, и джонина Суны, Баки, положили в больницу. У тебя было истощение чакры, что довольно серьезно - ты уже два дня в отключке; но нас с Баки довольно быстро подлатали, сломанные кости, в конце концов, достаточно легко исправить, хотя мне придется немного успокоиться".

Наруто не мог не заметить, что Шикамару, казалось, был в полном восторге от идеи "не напрягаться".

- Итак, что мы теперь будем делать? Я имею в виду, что миссия закончена, потому что Суна-джонин в безопасности, так какой у нас план?

- Хороший вопрос, Наруто! - На этот раз заговорил Какаши, вошедший в комнату с нетронутым видом, как будто событий нескольких дней назад и не было, со знакомой оранжевой книгой в руках. Однако, несмотря на свою рассеянность, он не заметил, как Наруто неловко шевельнулся в своей постели, когда он заговорил. Как и предполагал Какаши, Наруто не сможет отмахнуться от того, что Эйджи и Хитоши называли "частью жизни шиноби", так же, как Шикамару и Хана. Он убрал книгу в карман, почти не осознавая, что делает это; этот разговор не был особенно желанным, но Какаши чувствовал, что он состоится, нравится ему это или нет.

- Шикамару, ты выглядишь голодным. В городе есть киоск с раменом, может, тебе стоит сходить поесть? Наруто, возможно, скоро поправится и присоединится к вам. - Улыбка не покинула голос джонина, но серьезный характер его голоса выдал все, что нужно, Наре. Шикамару посмотрел между джонином и Наруто, тяжело вздохнул и, почти волоча ноги, направился к двери.

- Знаешь что, ты прав. Я не замечал этого раньше, но, похоже, я очень голоден. Увидимся позже, Наруто. Нара махнул рукой через плечо и вышел из больничной палаты через единственную дверь, закрыв ее за собой.

- Какаши-сэнсэй, я... - Слова замерли на языке Наруто, пока он ломал голову, как правильно подойти к теме, которая была у него на уме - так называемому "убийству Рейдена". - Я не совсем глуп, и я не так наивен, как был, когда заканчивал школу, я знаю, что ниндзя должны убивать в рамках своих миссий. Но они сказали, что их было 27, и все они генины? Даже во время войны, я не понимаю, что это за миссия...

- Это была не миссия, Наруто. - Какаши звучал устало, как отставные старики-ветераны, которых Наруто иногда видел в деревне. Израненные, покрытые шрамами старики и женщины, каждый из которых так и не смог полностью оправиться от ущерба, нанесенного человеку бесчисленными сражениями и потерями товарищей, как физическими, так и психическими. У каждого из них были свои истории, некоторые из славных побед, некоторые из эпических, монументальных битв, еще больше из множества героических фигур Конохи; но больше всего историй о трагедиях и потерях. Товарищ по команде, друг или возлюбленный, ушедший до срока.

Будучи шиноби с пяти лет, в том же возрасте попав в огонь войны, Наруто на мгновение подумал, что он один из тех самых ветеранов.

- Тогда как это произошло? Если ты не был на миссии, я имею в виду? - Наруто не знал, хочет ли он продолжать давить на Какаши в этом вопросе, прекрасно понимая, что, скорее всего, он вытаскивает на поверхность некоторые из самых мучительных и болезненных личных демонов этого человека. Он знал, что Какаши не был "плохим" человеком, и именно поэтому известие о том, что он совершил такой поступок, так сильно его встревожило. Как такой человек, как Какаши, мог совершить подобное? Наруто не мог этого понять.

- Чтобы понять, почему я сделал то, что сделал, я должен рассказать тебе немного о себе и моей команде в то время. - Какаши сел рядом с кроватью Наруто, все это время обдумывая, как

подробно рассказать о своем прошлом. - В начале своей карьеры шиноби я был одержим кодексом поведения шиноби. Я жил по ним, следовал им без исключения. Когда во время войны одна из моих товарищей по команде попала в плен к врагу, я даже был готов бросить ее, чтобы выполнить порученное нам задание.

Наруто почувствовал, как сжались его кулаки, когда Какаши заговорил. То, о чем он говорил, противоречило всему, за что он выступал как шиноби, всем фибрам его существа, и всему, за что выступал его отец - сэнсэй Какаши. Однако, судя по тому, что он знал о Какаши, это противоречило и его характеру.

- Однако другой мой товарищ по команде настоял на том, чтобы мы спасли ее, прежде чем продолжать миссию. Он переубедил меня, помог мне понять, что я был неправ, слепо следуя кодексу, помог мне понять, что товарищи и друзья важнее "правил". И мы сделали так, чтобы спасти нашего товарища, и нам это удалось. Но в бою он погиб, и его предсмертным желанием было, чтобы я защитил товарища по команде, за спасение которого мы боролись. Только после его смерти я понял, что он был самым близким другом, который у меня когда-либо был. - Какаши глубоко вдохнул и выдохнул, пытаясь сдержать эмоции, нахлынувшие от первого разговора о товарищах по команде после смерти Йондайме.

- После этого война затянулась и, в конце концов, благодаря твоему отцу, подошла к концу. Моя оставшаяся подруга по команде была в обычном патруле без меня, и они попали в засаду. Она и остальные члены отряда, с которым она была, погибли. Я нарушил обещание, данное лучшему другу, а мой единственный друг только что был убит. Через несколько часов после того, как весть о ее смерти достигла нашей передовой базы, вернулась разведгруппа, обнаружившая недавно созданную базу Ива, недалеко от нашей.

- В моей голове я сложил два и два и получил пять. Я был так зол, что потерял самообладание и решил, что в ее смерти виновны те, кто находился в опорном пункте. Я пошел за ними, один, и атаковал базу. Я мало что помню о первой атаке, но через некоторое время стало ясно, что те, кто находился внутри, не были ответственны за нападение на отряд моих товарищей. Это был отряд новоиспеченных генинов с парой командиров-чунинов, поставленный на место, по сути, как приманка, чтобы отвлечь наши разведгруппы и увести их от баз, где находились их основные силы.

- Это была тактика, используемая обеими сторонами, и существовало негласное правило захватывать, а не убивать такие отряды, поскольку большинство из них были свежими выпускниками академии в то время, когда средний возраст выпуска составлял восемь лет. Я даже не понимал, что натворил, пока не убил почти всех, кто был внутри. В конце концов, именно Четвертый остановил меня, забрал с базы и вернул обратно.

Какаши остановился, не зная, как продолжить. Наруто молчал, впитывая слова Какаши и то, как он их произнес. Казалось, что он только что слушал инструктаж, а не рассказ о трагическом моменте в жизни человека. Какаши намеренно старался не углубляться в свои чувства по поводу случившегося, и, возможно, с запозданием, Наруто понял, что тот все еще глубоко скорбит, как по своим товарищам, так и по врагам, и почувствовал укол вины за то, что потревожил воспоминания, которые, вероятно, долгое время оставались нетронутыми никем, кроме Какаши.

Однако Наруто обнаружил, что понимает Хатаке Какаши, как никогда раньше. Что бы он сделал, если бы потерял двух друзей, двух дорогих ему людей?

Он не мог утверждать, что поступил бы иначе. Он не был уверен, что хотел бы этого. Но это осознание поднимало неудобные вопросы о мире, в котором жили все шиноби. Наруто всю свою жизнь стремился стать шиноби не только для того, чтобы получать, но и для того, чтобы отдавать. Он хотел помогать людям, спасать их от зла. Кто-то назвал бы это благородством, кто-то - ребячеством, наивностью. Для него это не имело значения, он намеревался оставаться верным этим целям. Но, в конце концов, не причинит ли его жизнь ниндзя больше боли, больше страданий, чем облегчит?

- Какаши-сэнсэй, зачем существуют шиноби? Я имею в виду, в чем смысл быть ниндзя? Хокаге-дзиджи однажды сказал мне, что это защита людей, помощь им и счастье. Это была часть причины, по которой я хотел стать ниндзя, и ничего не изменилось, я по-прежнему хочу защищать людей. Но... - Наруто запнулся, пытаясь собрать воедино то, что он хотел сказать, из вихря мыслей в его голове.

- Но кажется, что весь мир шиноби попал в ловушку какого-то цикла мести и ненависти, верно? Мы ведем войну, а время между этой и следующей войной заполнено тем, что люди мстят за свои потери в первой. Убивая того, кто убил их близких, и близких того, кто мстит в ответ. - Какаши закончил от имени блондина, прекрасно понимая, что этот вопрос выходит за рамки того, что должен рассматривать любой молодой генин. Блондин только кивнул в знак согласия, все еще пытаясь переварить то, что произошло в их разговоре, найти в своей голове какое-то решение, чтобы все это имело смысл.

- Я думаю, это то, что каждый шиноби открывает для себя в свое время, и большинство просто принимают это, продолжая жить дальше, пока либо не поддадутся этому, либо не уйдут на покой. Твой отец и Джирайя, его сэнсэй, оба потратили свои жизни, пытаясь найти ответ - пытаясь остановить цикл. Джирайя, я полагаю, искал всю свою жизнь, и до сих пор ищет. - К удивлению джонина, Наруто просиял, когда Какаши заговорил.

- Думаю, тогда все решено. Я найду ответ. - Окончательность слов Наруто озадачила Какаши, особенно если учесть, что он, казалось, полностью осознавал всю серьезность этой задачи. Однако блондин воспринял отсутствие ответа как то, что Какаши сомневается в его способности выполнить задачу.

- До этого момента у меня было две цели как у ниндзя. Стать Хокаге, чтобы защитить деревню и своих друзей, и чтобы мой отец гордился мной. Я найду ответ, который не смог найти мой отец, и я сделаю так, что он будет гордиться мной, и это обещание. Я знаю, что это будет нелегко, Какаши-сэнсэй, если бы это было так, кто-нибудь уже нашел бы ответ. Но я сделаю это. Сначала я стану Хокаге, чтобы защитить людей, которых я люблю, а потом я найду способ использовать это, чтобы найти способ остановить цикл ненависти и защитить всех остальных. - Слова Наруто стали яростными, его глаза выдавали его решимость. Он имел в виду каждое свое слово.

И прежде чем Какаши смог остановить себя, он тоже поверил.

- Спасибо, что поговорил со мной об этом, Какаши-сэнсэй. - Какаши просто улыбнулся блондину сквозь маску и пренебрежительно покачал головой в ответ на благодарность. - Но не думай, что это тебя отпустит! Технически это была твоя вина, что на нас напали! -Джонин чуть не упал со стула от того, как практически биполярно изменился тон Наруто: от искренней сердечной благодарности до, казалось бы, пародии на одного из его собственных генинов, Сакуру, когда он громко "указал", что прибыл на собрание команды с опозданием.

- То есть, я думаю, что заслуживаю какой-то компенсации. Компенсацию, типа, я не знаю, новое дзюцу или два, по крайней мере...

- А? Что это было, Наруто? Разве ты не должен уже встретиться с Шикамару? Он уже давно ждет, ты знаешь...

Наруто не видел, как Какаши достал книгу, в которую был погружен, и не заметил, как Джонин сформировал одноручную печать, необходимую для шуншина, которую он использовал, чтобы избежать удара, нанесенного Наруто в лицо, и вскочил с больничной койки, чтобы достичь своей цели.

В итоге он столкнулся только с воздухом. И пол вместе с его лицом, когда он бесцеремонно приземлился на пол рядом с тем местом, где лежал Какаши.

- Вы должны мне дзюцу Какаши-сэнсэй! Я никогда не забываю, когда дело касается дзюцу! - крикнул блондин, угрожающе подняв кулак в воздух. - А теперь... пора найти тот ларек с раменом!

<http://tl.rulate.ru/book/40002/1562574>